

русскую музыку посредством устройств благотворительных концертов... Потребность в таком кружке певцов-любителей ощущалась в г. Минске давно, но организация... была невозможной за отсутствием средств"⁶.

Силами объединенного коллектива учащихся гимназии и любителей был подготовлен концерт, посвященный памяти композитора М. И. Глинки. Сбор с концерта поступил в пользу нуждающихся учащихся. В программе этого концерта звучала инструментальная, вокальная, хоровая музыка Глинки: "Полонез", "Слава русскому народу..." и сцены из оперы "Иван Сусанин".

Профессиональное музыкальное искусство Белоруссии, не имевшее благоприятных условий для развития в дооктябрьский период, находилось в конце XIX – начале XX в. еще в зачаточном состоянии. Некоторые успехи, достигнутые в это время в хоровом исполнительстве, явились результатом деятельности подлинных энтузиастов.

Примечания

¹Центральный государственный исторический архив БССР в г. Минске, ф. 483, д. 95, л. 14.

²Там же, л. 4–5.

³Там же, ф. 1416, оп. 6, д. 587, л. 11.

⁴"Наша ніва". – 1911. – № 8.

⁵ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 1, д. 854, л. 471.

⁶Там же, ф. 57, оп. 2, д. 6, л. 1.

А.Л. КОРОТЕЕВ (МИК)

ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВЫХ ОРКЕСТРОВ БЕЛОРУССИИ XIX в.

Исполнительское искусство на духовых инструментах в Белоруссии имеет богатые традиции, истоки которых уходят в далекое прошлое белорусского народа. На гравюрах XV в. в Радзивилловских летописях, в других летописных источниках и литературных памятниках XVI–XVII вв. ("Хроника Быховца", "Песня про зубра" Н. Гусовского и др.) встречаются изображения исполнителей на рогах, пищалках, дудках, трубах и сведения о деятельности ансамблей духовых и ударных инструментов в придворном и военном быту.

Значительным культурным событием в этот период было появление различных инструментальных капелл, в состав которых наряду со струнными инструментами входили флейты, гобои, трубы и другие музыкальные инструменты. Одним из наиболее укомплектованных составов была так называемая "литовская капелла", организованная в Гродно Зигмунтом-Августом в 1543 г. С середины XVIII в. в Белоруссии стали появляться крепостные оркестры¹, которые исполняли камерные и оркестровые произведения. В крепостных оркестрах Городка, Горы-Горок, Гродно, Витебска, Деречина, Зельвы, Могилева, Свислочи, Полоцка, Ружан, Кричева, Слонима и других городов, кроме исполнителей на струнных, были исполнители и на духовых инструментах. В это же время организуются составы духовых роговых оркестров у Радзивил-

лов в Несвиже (так называемая "палаўнічая музыка") и у графа С.Г. Зорича в Шклове. Во второй половине XVIII в. действовала знаменитая музыкальная школа А. Тизенгауза в Гродно, в которой обучались дети крепостных крестьян и мещан игре на скрипке, альте, виолончели, контрабасе, флейте, гобое, кларнете, фаготе, валторне, трубе и других инструментах.

Благодаря изобретению клапанного, вентильного и пистонного механизмов ко всем натуральным медным духовым инструментам, а также усовершенствованию конструкций деревянных духовых инструментов в конце XVIII — начале XIX в. исполнительские возможности духовых оркестров значительно расширились. Новый инструментарий широко распространился и в Белоруссии.

Большое внимание в конце XVIII — начале XIX в. уделялось обучению музыкальной грамоте и развитию исполнительства в архиерейском хоре Могилевской губернии. Весьма образованный для своего времени человек, епископ Белорусский и Витебский Анастасий (А.С. Братановский-Романенко), кроме многочисленных богословских трудов писавший также стихи и музыку, проявлял постоянную заботу о своем хоре и делал все возможное для поддержания в нем высокого исполнительского уровня². Этому способствовала четко выработанная система обучения в хоре. Благодаря инициативе А. Братановского-Романенко при хоре был создан духовой оркестр и так называемый "инструментальной музыки оркестр", в котором наряду с духовыми были и струнные инструменты. Архивные материалы о деятельности Могилевской духовной семинарии за 1803 г. свидетельствуют, что регентом хора и капельмейстером духовой и "инструментальной" музыки в этот год был назначен 14-летний семинарист Иван Добровольский³. По распоряжению епископа он обязан был жить в певческой. Постоянно находясь рядом с обучающимися, И. Добровольский мог всегда проконтролировать выполнение заданий, а в случае затруднений — заниматься с учениками дополнительно. Прекрасно владея многими музыкальными инструментами, он обучал игре на таких духовых инструментах, как флейта, кларнет, валторна, труба, и на струнных — скрипке и виолончели. Репертуар духового оркестра, которым руководил И. Добровольский, состоял в основном из танцевальных и маршевых произведений: вальсов, полонезов, кадрилией, контрадансов, различных маршей. Деятельность оркестра стимулировала творческую активность местных композиторов, среди которых особенно выделялись Нельговский, Вус (он же — Ус). Много произведений для оркестра сочинил и сам И. Добровольский. А. Братановский-Романенко, высоко ценивший добросовестное отношение руководителя оркестра к своим служебным обязанностям, стремился развивать его дарование, организаторские и педагогические способности, поэтому требовал от молодого музыканта постоянного разучивания новых произведений, более частого выступления с концертами. Современники, в частности профессор Могилевской семинарии С. Соколов, в своих воспоминаниях отмечали, что, поскольку исполнительский уровень оркестра был довольно высок, концертные выступления его неизменно пользовались большой популярностью.

С 1803 г. начал свою деятельность городской оркестр в Минске⁴. Он выступал в двух составах. Оркестр, в который входили только духовые инструменты, обслуживал все важнейшие городские мероприятия и торжества, когда же в него включались и струнные инструменты, он привлекался для

участия в спектаклях городского театра и для других выступлений. Оркестр в Минске находился в распоряжении капельмейстера, с которым городские власти на определенный срок заключали контракт, согласно которому он обязан был руководить всей деятельностью оркестра, для чего из городских годовых доходов ему выделялась определенная сумма. По архивным материалам ЦГИА БССР в г. Минске удалось установить, что с 1803 г. городским оркестром руководил Иван Антонович Вержбицкий, после смерти которого оркестром возглавил его брат Казимир⁵. Известно также, что третий брат — Фелициан, проигравший в оркестре 25 лет, в 1848 г. просил городские власти разрешить ему возглавить оркестр, но Минское губернское управление не удовлетворило его просьбу⁶.

Значительный вклад в музыкальную жизнь Минска XIX в. внесли братья Стефановичи — Доминик и Викентий, являвшиеся представителями рода, который отличался большой музыкальностью. Ряд лет городским оркестром Минска руководил Доминик Стефанович⁷, а с 1837 г. оркестр возглавил Викентий Стефанович⁸, с именем которого в основном и связана история Минского городского оркестра. При В. Стефановиче духовой состав оркестра стал довольно представительным. В него входили флейты-пикколо и флейты, широко были представлены кларнеты строя In Es, In B, In F, C, фаготы, серпенты, трубы, басы. Составу духового оркестра приходилось играть очень часто, причем и на открытом воздухе, так как по контракту он обязан был обслуживать все городские мероприятия и празднества. Духовой оркестр играл "в летнее время с 1 мая по 1 сентября ежедневно после полудня от 6 до 7, а праздничные до восьмого часа в Публичном городском саду на одной токмо духовой музыке"⁹. Кроме того, оркестр регулярно играл на открытой галерее второго этажа ратуши и на бульваре перед ней. Такая его интенсивная деятельность сказывалась на состоянии духовых инструментов — многие из них постоянно нуждались в ремонте, а некоторые вообще становились непригодными для игры. Об этом свидетельствует, например, рапорт В. Стефановича в городскую Думу от 16 сентября 1861 г.: "Оказалось к употреблению негодными именно: кларнетов 16 и в кусках 2, пикулин 2, флейт ("фляутов") 4, гобой 1 и четыре куска, фаготов 7 и в кусках 2, серпанов 2, валторн 4, труб разного названия, в том числе две инвенциональные и две хроматические, всего 9 и в кусках 2, зель 3 пары, т.е. 6 штук, бас горно 1, гранд басов 2, барабан 1"¹⁰. По этому списку поломанных инструментов можно сделать вывод о богатстве духового инструментария в оркестре В. Стефановича. Струнные смычковые инструменты, которые включались в духовой состав оркестра только по мере необходимости, были в хорошем состоянии, так как использовались для игры не так часто. Хорошее состояние скрипок, альтов, виолончелей, находящихся в музыкальной школе В. Стефановича, подтверждается рапортом капельмейстера от 16 сентября 1861 г.¹¹.

По условиям контракта предусматривалось иметь постоянный основной состав музыкантов, а также обучать 16 новичков. Для их обучения с целью пополнения основного состава оркестра В. Стефанович организовал музыкальную школу. К 1861 г. он довел число обучающихся до 30 человек, большинство из которых были сиротами. Такое внимание В. Стефановича к сиротам было отмечено городской Думой: "Нынешняя городская музыка имеет ту существенную для города пользу, что в ней воспитываются большею частью бес-

приютные сироты, которые, выучившись играть, обеспечивают тем быт свой, а нередко и целых своих семейств"¹². Небезынтересен тот факт, что за эту деятельность в 1840 г. В. Стефановича избирают членом коллегии благотворительного общества¹³.

В. Стефанович прилагал все усилия для того, чтобы занятия в школе проходили успешно. Для обучающихся были выработаны четкие правила поведения и система обучения. Однако условия, в которых приходилось заниматься, были крайне тяжелыми. Музыкальная школа располагалась на Высоком рынке в ветхом здании ратуши, под самым чердаком. "Здание это, быв решительно ветхое, грозит падением как потолка, который ныне уже решительно чрез тяжесть песку от ветхости слег, так ровно и стен, которые потрескались по той же причине. Постоянные протечки, происходящие от дождей, наносят немалый вред инструментам, а потому долгом считаю довести о том до сведения Думы"¹⁴, — писал В. Стефанович в рапорте 25 июля 1845 г. Городская Дума рассмотрела этот рапорт и уже 30 июля 1845 г. отдала распоряжение Минской губернской строительной компании о составлении сметы и немедленном ремонте здания¹⁵. Однако в отремонтированном здании ратуши был размещен организованный в феврале 1847 г. Минский городской русский театр¹⁶, и В. Стефанович вынужден был перевести оркестр и музыкальную школу в частный дом Ланевских, которым он в течение трех лет оплачивал предоставленные комнаты из личных сбережений¹⁷.

Это были не единственные трудности, мешающие нормальной работе. Оркестр существовал на средства, состоящие из субсидий городской Думы, из оплаты за игру в театре, из поступлений от частных лиц за игру на различных вечерах, на похоронах и т.п.¹⁸. На эти деньги В. Стефанович должен был содержать музыкальную школу¹⁹, покупать ноты, приобретать музыкальные инструменты и производить их текущий ремонт, выплачивать жалование музыкантам, обеспечивать их приличным питанием и квартирами, летней и зимней одеждой и обувью, дровами для отопления жилья. Хотя В. Стефанович отличался тяжелым характером, что дало основание С. Моношко назвать его "Каином", к своим музыкантам капельмейстер относился предельно внимательно. Так, например, в мае 1843 г. он ходатайствовал перед городской Думой о том, чтобы в контракт о передаче ему городского оркестра с 1843 по 1849 гг. было включено его обязательство о ежегодной выплате 60 рублей серебром "выслуженному и престарелому, состоявшему донине в городской музыке Фадею Томковичу"²⁰.

Средства, выделяемые для оркестра городской Думой и поступающие из других источников, были крайне скудными. Естественно поэтому, что оркестр испытывал постоянные финансовые затруднения, что отрицательно сказывалось на его творческой деятельности. В мае 1861 г. В. Стефанович вынужден был обратиться с рапортом в Минскую городскую Думу: "Никогда не смел утруждать начальство о прибавках платы, но в настоящее время ни под каким видом, без излишней собственной своей потери, содержать музыку за ту самую плату невозможно"²¹. В ответе министра внутренних дел указывалось, что расходы на содержание оркестра были бы слишком обременительны для городской казны, поэтому предлагалось изыскать другие источники доплат²². В июле 1861 г. это предложение рассматривалось на заседании городской Думы, на котором было принято решение организовать "некоторый сбор

в пользу музыки с посетителями гуляний, на которых играет городская музыка"²³. Такое отношение городских властей к оркестру заставило В. Стефановича, который и на дальнейшее предвидел те же финансовые трудности, отказаться от руководства им, о чем он и уведомил Думу 21 февраля 1862 г.²⁴. Узнав об этом, многие музыканты оркестра предложили свои услуги по его содержанию без дополнительных средств. Среди них были Петр Щука, Карл Гилявский, Викентий Недзведский, Андрей Чертович, Петр Стефанович, Александр Стелницкий, Демьян Поздняк, Мартин Орловский, Стефан Чаплинский, Кастан Янушкевич, Генрих Невяровский²⁵. Губернское правление, рассмотрев их прошения, приняло решение о заключении контракта с Андреем Яковлевичем Чертовичем, который и был оформлен капельмейстером 1 февраля 1863 г.

А. Чертович возглавлял оркестр недолго — пять лет, с февраля 1863 по март 1868 г., но за этот срок сумел сделать многое. Был значительно расширен репертуар оркестра. О прежнем репертуаре можно судить по перечню музыкальных произведений, находящемуся в фонде ЦГИА БССР в г. Минске: симфонии Гайдна, Бетховена, увертюры Чимарозо, Керубини, Россини, Моцарта, Винтера, Курпиньского, Вейгля, вальсы, кадрили, галопы, польки Штраусов, Ланнера, более 30 пьес Лябицкого²⁶. Излюбленным музыкальным жанром в то время были поурри, и они, естественно, были включены в репертуар оркестра. Он исполнял поурри, написанные В. Стефановичем на темы симфоний Бетховена, Гайдна, И. Плейеля, Ю. Эльснера, увертюры различных композиторов и произведений отдельных композиторов — И. Штрауса, Й. Ланнера, Гунгле, Лябицкого. Кроме того, в репертуар оркестра включались такие произведения, как "Попурри на темы шести маршей" Крюмера, поурри "Шести военных маршей" Болердири. С 1863 г., когда оркестр возглавил А. Чертович, расширение репертуара произошло за счет исполнения поурри на темы маршей Б. Бильзе, Ф. Мендельсона-Бартольди, Амера и других композиторов, а также мелодий из увертюры к операм Д. Россини ("Севильский цирюльник"), Ф. Буальдье ("Белая дама"), Д. Обера ("Каменщик", "Бронзовый конь", "Фенелла", "Бриллианты короны" и др.), К.-М. Вебера ("Вольный стрелок"), М. Глинки ("Жизнь за царя" и др.). В это время у А. Чертовича появилась возможность приобретать отдельные нотные сборники, включающие поурри из мелодий опер "Фауст" Ш. Гуно, "Лукреция Борджиа" Г. Доницетти, "Норма" В. Беллини, "Риголетто" Дж. Верди, "Гугеноты", "Роберт-Дьявол", "Африканка" Дж. Мейербера²⁷, что также способствовало расширению репертуара оркестра. Все поурри, напечатанные в этих нотных сборниках, были написаны Стасным. К сожалению, многие сборники, хранившиеся в доме Гейдуковича, где заседала городская Дума, сгорели во время пожара со 2 на 3 июня 1865 г.²⁸.

Свидетельством плодотворной деятельности А. Чертовича является то обстоятельство, что в эти годы стабилизируется состав оркестра. Это самым благоприятным образом сказалось на его исполнительском уровне, что повысило интерес к нему городской публики. Контракты с музыкантами стали заключаться на шесть лет, потому что никто не хотел наниматься в оркестр только на один год. В материалах ЦГИА БССР в г. Минске сохранились имена музыкантов, игравших в оркестре у А. Чертовича: Викентий Недзведский, Демьян Поздняк, Иван Конарский, Казимир Позаржицкий, Генрих Невяров-

ский, Федор Гедройц, Александр Стелницкий, Стефан Гритчин, Викентий Бенцлебан, Антон Мацкевич, Иван Лойко, Станислав Бубай, Бронислав Петрусевич, Антон Чертович, Семен Ягодинский, Адам Довнар²⁹. Квалификация музыкантов была довольно высокой, и в случае отсутствия по каким-либо причинам капельмейстера оркестром мог руководить кто-нибудь из них. Например, в марте 1868 г. на время своего отъезда из Минска А. Чертович доверил руководство оркестром В. Недзведскому³⁰.

Скоро, однако, перед А. Чертовичем встали те же затруднения, которые постоянно испытывал и его предшественник. А. Чертович обращался в городскую Думу с просьбами хотя бы о небольшой прибавке к выделяемым средствам — 122 рубля серебром в год, но они не удовлетворялись. В марте 1868 г. А. Чертович вынужден был подать заявление, в котором отмечал: "Прошу... принять находящиеся у меня городские инструменты и ноты, как я таковой (городской музыки. — А.К.) не желаю содержать на условиях, предложенных Думой"³¹. В июне того же года он вторично обращается с просьбой выдать ему деньги, причитавшиеся по контракту за содержание оркестра³², однако он их и не получил и не смог выдать жалование музыкантам. В августе 1868 г. музыканты покинули оркестр и разъехались в поисках новой работы.

Для участия в городских мероприятиях стали привлекаться духовые оркестры различных воинских частей, находящихся в пределах Минска. Например, в 1868 г. "вместо городской музыки по случаю неприбытия оной играла... 18 раз в публичном городском саду приглашенная... военная музыка Коломенского полка"³³. Учитывая то, что военный оркестр хорошо справлялся с возложенными на него обязанностями, а вновь назначенный руководителем оркестра В. Стефанович не успел еще создать новый коллектив, городские власти пригласили музыкантов Коломенского полка для игры и в следующем году. Архивные материалы свидетельствуют, что "за неимением городской музыки в лето этого года (1869. — А.К.) с 1-го мая по 1-е сентября производила игру в городском публичном саду музыка квартирующего в Минске 119 пехотного Коломенского полка"³⁴. Этот оркестр играл в городском саду в 1870 г.³⁵ Но в мае 1870 г. он вместе со своим полком был переведен в Бобруйск, после чего в музыкальной жизни Минска принимал участие оркестр Углицкого пехотного полка (более 20 выступлений).

С 1872 г. в Минске начало действовать училище органистов³⁶, в котором велось также обучение игре на духовых инструментах. Это позволило после 1890 г. создать здесь собственный духовой оркестр³⁷. В 1897 г. это учебное заведение было закрыто, и духовой оркестр прекратил свое существование.

Названные духовые оркестры и некоторые другие, среди которых следует отметить оркестры Минской мужской гимназии, Минского реального училища, Слуцкой гимназии, оркестры пожарников в Минске, Несвиже, Гродно, Мстиславле и другие духовые составы, появившиеся в XIX — начале XX в., внесли значительный вклад в развитие духовой музыки и сыграли определенную роль в музыкальной культуре Белоруссии.

Примечания

¹Капилов А.Л. Скрипка белорусская. — Мн., 1982. — С. 27 — 38; Барышаў Г.І. Прыгонныя аркестры // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1972. — № 4. — С. 51—54.

²Демковецкий А.С. Опыт описания Могилевской губернии: В 3 кн. – Могилев, 1882. – Кн. 1. – С. 124.

³Ямпольский И.М. Добровольский И.В. // Музыкальная энциклопедия. – М., 1974. – Т. 2. – С. 268–269; Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мн., 1985. – Т. 2. – С. 247–248, 382.

⁴ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 24, оп. 1, д. 1284, л. 53.

⁵Там же, д. 72, л. 2.

⁶Там же, л. 15.

⁷Там же, л. 6–7.

⁸Там же, д. 1284, л. 93.

⁹Там же, л. 16.

¹⁰Там же, л. 27.

¹¹Там же, л. 28–29.

¹²Там же, л. 32.

¹³Минские губернские ведомости: Приложение "Отчет о действиях Минского благотворительного общества за 1840 г." – 1841. – 19 сент. – С. 5.

¹⁴ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 24, оп. 1, д. 133, л. 1.

¹⁵Там же, л. 2.

¹⁶Там же, д. 348, л. 3–4, 11.

¹⁷Там же, д. 326, л. 4.

¹⁸Там же, д. 350, л. 1–34.

¹⁹Там же, д. 1284, л. 171, 174, 175, 185.

²⁰Там же, д. 72, л. 4.

²¹Там же, д. 1284, л. 11.

²²Там же, л. 15.

²³Там же, л. 23.

²⁴Там же, л. 42–43.

²⁵Там же, л. 51, 79.

²⁶Там же, л. 147–148.

²⁷Там же, л. 100, 101, 105, 106.

²⁸Там же, л. 118.

²⁹Там же, л. 108.

³⁰Там же, л. 139.

³¹Там же, л. 140.

³²Там же, л. 151.

³³Там же, л. 168–169.

³⁴Там же, л. 180.

³⁵Там же, л. 196, 202.

³⁶Там же, ф. 295, оп. 1, д. 2791; Жиркевич А.В. Из-за русского языка. Ч. 1 // Минская старина: Тр. минск. церковн. историко-археолог. комитета. – Вильно, 1911. – Вып. 3. – С. 235, 239.

³⁷Жиркевич А.В. Из-за русского языка. Ч. 1 // Минская старина: Тр. минск. церковн. историко-археолог. комитета. – Вильно, 1911. – Вып. 3. – С. 246